

НЕКРОПОЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВНИМАНИЯ

В. Ю. Лебедев

О состоянии и административном статусе некрополей областных и районных центров Центральной России говорится много, но всё же недостаточно, если учесть, что сигналы бедствия и конструктивные предложения остаются большей частью гласом вопиющего в пустыне. Нынешнее положение дел следует признать грустным. Помимо уже уничтоженных некрополей, порою ставится вопрос об уничтожении закрытых, нефункционирующих. Кроме того, они часто лишены всякой защиты от стихийного разрушения. Некрополь как культурный объект существует только в том случае, если является системой, куда входят и надгробные сооружения. Если они, равно как и отчётливое пространственное разбиение, исчезают, то некрополь превращается в иной феномен — участок ингумации, в семиотическом плане не отличающийся принципиально, например, от скотомогильников (но, разумеется, в ценностном отношении с ними не сравнимый)¹. Совершившаяся утрата необратима. Угроза нависает над некрополями, где прекращаются захоронения, а значит, простейшее поддержание порядка. Речь идёт не только о систематическом вредительстве, одним из следствий которого является увеличение неопознаваемых могил, что особенно заметно при работе исследователя-антрополога. В печати нередко муssiруется вопрос о ликвидации таких некрополей. Возникает мысль о том, что эти журналистские вылазки отражают либо примитивно обывательское брезгливое отношение к некрополям², автоматически разжигая суеверные представления вместо их развенчания (возможно, в порядке впадения в противоположную крайность после антирелигиозной пропаганды), либо желания некоторых лиц получить освобождённое в результате ликвидации место. Вызывают тревогу и разговоры о том, что для компенсации дефицита места для ингумаций предполагается использовать «бесхозные» могилы (заметим, что понятие «бесхозность» типично административное, а не строго научно-некрополистическое, поскольку там брошенные могилы делятся на несколько видов). В категорию «бесхозных» явно в таком случае попадут удовлетворительно сохранившиеся и вполне опознаваемые надгробия, обладающие высокой информационно-семиотической ценностью. Последствия следует считать в научном и общекультурном плане катастрофическими. Положение дел в столицах в этом отношении ещё сравнительно благополучно: утрата некрополей там куда менее масштабна, а некоторые из них, хотя и пребывают в ветхом состоянии, ещё вполне пригодны для научного исследования. Речь идёт о процессе неконтролируемого естественного ветшания, но не об уничтожении. И здесь именно люди науки должны бы выступить против такого положения вещей, реализуя свой авторитет.

Надежды на силу «общественного мнения» жителей, которые могут быть потревожены возможностью разрушения лесопарковой зоны в процессе ликвидации таких некрополей, очень мало. Наука не только имеет право, но даже обязана при появлении необходимости защищать и себя, и объекты своего интереса, без которых она не сможет полноценно существовать. Видение одних и тех же вещей сознанием учёного и сознанием административно-бюрократическим подчас совершенно разное. Для сознания бюрократического некрополь — просто некое «место упокоения», именно «кладбище», а вовсе не «город мёртвых» («место упаковки», как с меткой иронией высказался прот. М. Ардов). Для учёного — нечто принципиально иное и принципиально более ценное. Но такая позиция нуждается в популяризации, разъяснении и активной защите. Такова этика науки, являющаяся составной частью научной деятельности. Выборочные перезахоронения с ликвидируемых некрополей вопроса не решают, это не научно-релевантные действия, а только сугубо личный акт выражения почтения и благодарности отдельным усопшим, и то только тем, о ком успеют вспомнить. Ведь в списках выдающихся деятелей культуры, покоящихся практически на каждом некрополе, очень часты пометки, сообщающие, что родные либо отсутствуют, либо не найдены.

В чём же заключаются факторы научной ценности некрополей и факторы угрозы (всех видов, реальные и потенциальные, высоко- и низкочастотные, пассивные и активноструктурные)?

Обывательскую брезгливость и суеверные страхи мы не рассматриваем изначально (это фактор вредоносный, но требующий отдельных методов коррекции, подчас, к сожалению, психотерапевтических). Сейчас принимается во внимание только позиция людей науки.

Вначале следует указать на факторы научной ценности, делающие некрополь уникальным объектом научного исследования (мы не касаемся сейчас проблем этических, причём не только личного характера, но и культурного беспамятства по отношению к прошлому в целом); разумеется, они столь тесно связаны, что неизбежно будут пересекаться.

1. Экология культуры, которая из метафоры становится целой научной парадигмой. Охрана некрополя необходимо должна стать предметом именно *научного* планирования. Сейчас даже обычное администрирование старается данный сектор обходить вниманием.

2. Интересы регионоведческие, которые во многом определяются общекультурологическими научными приоритетами, о которых говорим ниже.

3. Культурологические и религиоведческие исследования. В этом отношении некрополь не просто высокоинформативен — он уникален и незаменим. Его утрата создаёт невосполнимую лакуну. Это определяется прежде всего фундаментальным фактом того, что некрополь является одной из сравнительно немногих экспозиционных знаковых систем культуры³. Во-первых, он мало подвержен действию семиотических фильтров, в частности, извне установленному контролю, а во-вторых, облегчает создание эффекта подчёркивания, даже утрирования семиотического проявления мировоззренчески значимых элементов и объединяющих их структур,

например, религиозных взглядов покойного (хотя следует учитывать и не столь редкий механизм гиперкоррекции, что мы наблюдаем в течение последних пятнадцати лет). В свете этого обращение к некрополистическому материалу в контексте изучения религиозности не должно представляться случайным. Создание объективной и верифицируемой картины мировосприятия современного россиянина, особенно всего, что касается экзистенциала смерти и типов поведения, для которых он оказывается определяющим, мало представимо без привлечения некрополистического материала и его тщательного анализа. Смерть как концепт связана с религиозным мировоззрением и всей системой религиозных взглядов, относительно которых можно дать в итоге и общую характеристику относительно их характера, всех сложных процессов, там происходящих. Ценность таких исследований возрастает при учёте пороговости современной ситуации, фиксирующей смену разных типов отношения к религии. Это проявляется в узнаваемых изменениях всех видов семиотизации захоронений, как вербальных, так и невербальных. Изучение эпитафияльных комплексов литературоведами ведётся уже с начала 1990-х гг. Но следует помнить, что эти исследования немыслимы без предварительно собранного материала, а он подвержен порче и уничтожению. Если этот момент упущен (фактор своевременности), то дальнейшие исследования оказываются невозможными. Так, некоторые образцы собранных нами эпитафияльных инскрипций тверских некрополей, позволившие сделать интересные диахронические и компаративные обобщения, исчезли буквально через несколько месяцев после произведённой фиксации (а одно надгробие было «своевременно» найдено на помойке). Культурологический анализ такого рода трудно представим без компаративных методов, но, если исчезает или количественно минимизируется более старый материал, они становятся полностью невозможными или малорезультативными в силу нерепрезентативности результатов, поскольку в данном случае большую роль играет статистическая надёжность выявленных закономерностей (например, выявление такого важного момента, как ревитализация старой мортальной семиотики). Именно компетенция людей науки может и должна обнаружить ряд чётких тенденций за внешне пёстрой картиной (как она представляется глазу стороннего наблюдателя — действие семиотической закономерности «точки зрения»⁴). В частности, возможно выявить семиотизированное и объективно явленное воплощение важнейших религиозных концептов. Равным образом ярко выявляются и даже становятся доступными для статистического подсчёта феномены синкретического характера, неизбежные для пороговых периодов культуры. Например, выявлена высокая частотность гастрономических ритуалов, связанных с «могильной едой». Это оставление на могиле еды и алкоголя, причём не только в пасхальную неделю. В процессе самого расположения еды на месте захоронения возникают дискуссии, например, о том, следует ли пищу раскрошить или положить целиком, оставить водку в бутылке, в стакане или вылить на могилу (был предложен даже компромиссный вариант: часть вылить, а часть оставить). Очевидно, что речь идёт о ритуальной последовательности действий, а значит, о применимости всех накопленных наукой методов анализа ритуалов, включая и системно-структурный. Интересно, что при частотности данной ритуальной

практики она является сильно десемантизированной. Очень часто ситуация с невозможностью внятно объяснить ни семантику, ни цель таких ритуалов. Реже определённо говорится о языческой семантике, но с разной оценкой (от нейтральной — атеистами до негативной — верующими христианами). Частотнее ссылки на привычный обычай, имеется даже случай шутки по поводу наличия неких «православных канонов». Характерен крайне малый процент осведомлённости о том, что ритуал является позднейшей инверсией практики оставления поминальной еды для нищих, т. е. формой классической милостыни.

Исследование некрополей в этом отношении даёт не меньше, чем, например, социологический опрос, контент-анализ печатных текстов и т.п., поскольку в последних случаях гораздо сильнее действует семиотический фильтр, для ослабления действия которого необходимо затрачивать дополнительные силы. Это же относится к реконструкции системы ценностных предпочтений, привычных моделей поведения людей, в том числе с выявлением возможной региональной специфики, часто очень важной, в силу «регионального культурного коэффициента», который нередко ощутим на интуитивном уровне, но ускользает от чёткого описания.

4. Сохранение культурной информации. Чем лучше сохранён некрополь, тем выше его информативность. Превращение же его просто в место ингумации снижает информативность до нуля; в этой ситуации выявить остаточную информацию можно только усилиями археологов — но обязательно ли доводить дело до такой стадии, особенно когда процесс ещё можно контролировать? Сожаления по поводу утраченных некрополей законны и естественны (противоестественно их отсутствие, вспомним строки о любви к отеческим гробам), но почему подчас существует равнодушие к судьбе того, что ещё можно спасти, хотя бы и частично?

5. Семиотические исследования — как общие, так и частные. Некрополь — вполне организованная, упорядоченно и многообразно функционирующая семиосистема. Он обладает своей структурной морфологией, семантикой, синтактикой и прагматикой. Некрополь когезивен (является семантически связным образованием, а не мозаичным хаосом), когерентен (что проявляется в реагировании отдалённых фрагментов системы на изменения, произведённые в иных её зонах), подвержен влияниям процессов мортальной моды, изучение которых, с одной стороны, позволяет увеличить знания о моде в целом, с другой — понять специфику мортальной моды, отличается ли она существенно от моды вообще, поскольку явление это семиотическое⁵. Кроме того, это полезно и для дальнейшего изучения психологии массового поведения, проявляющегося в подражании. Исследования механизмов моды, в свою очередь, полезны для исследований, лежащих в несколько иной плоскости, касающихся системы функциональных отношений «город – село». Применительно к изучению только что упомянутой функциональной системы становится важным включение в неё ещё одной структурной точки — усадьбы и усадебного некрополя, являющегося исторически выделившимся отдельным типом.

Исследования первого рода, общие, помогают, привлекая новый материал, установить новые и уточнить старые закономерности функционирования знаковых систем культуры. Второго, частные, — выявить до сих пор практически не

описанные механизмы семиотики самого некрополя (так, некоторые из них были великолепно подмечены Ф. Арьесом, но, по причине неактуальности для него семиотического языка дескрипции, остались в несколько нечёткой формулировке). Именно некрополистический материал помог уточнению характера механизмов семантических аттракций и диффузий в системе культуры. Некрополь как объект культуры требует научной дескрипции, наравне с другими объектами, в противном случае это повлечёт неполноту научного знания (разумеется, при этом не отменяются необходимые исследовательские корректность и даже такт). Селекция объектов исследования, мотивированная обывательским эстетством, оперирующим общими оппозициями «красиво/некрасиво», «мрачно/жизнерадостно», не только находится за границами науки, но и пребывает в ментальном поле типичной антинауки. Представим себе врача или физиолога, отказывающегося изучать определённые явления, мотивируя отказ их неэстетичностью, или физика, указывающего, что определённый вид частиц вызывает у него почему-либо эмоционально неприятные ассоциации. Такая логика должна была бы табуировать, например, и археологию по причине того, что среди находок встречаются скелетированные останки. Культурология, как и любая наука, не допускает гипертрофирования эмоционального отношения к предметам исследования.

Экология культуры и экология прошлого всё чаще декларируются как один из приоритетных подходов к наследию отечественной культуры и культуры вообще. Некрополи требуют немедленного и безотлагательного распространения на них именно такого экологического подхода.

Факторы опасности:

1. Примитивный вандализм. Это явление не нуждается в комментариях, но пробуждает вопросы относительно удивительной беспечности тех, кто должен был бы заботиться о сохранности некрополей (заодно не давая повода представителям «жёлтой прессы» раздувать совершенно ненужные и надуманные «страсти» вокруг старых некрополей). Кроме того, вандализм всё чаще стал скрывать извращённо-религиозную мотивацию (деятельность сатанопоклонников и им подобных).

2. Воровство. Однако здесь эмпирические наблюдения подтверждают известную закономерность. Такие действия порою оказываются благом для исследователей, поскольку обеспечивают сохранение надгробий с уничтоженных кладбищ, которые, правда, оказываются иначе локализованными и чаще видоизменёнными. Но тут при считке информации и интерпретации играет роль уже квалификация исследователя.

3. Ветшание. Является процессом объективным, но требующим своевременных мер хотя бы по фиксации разрушающегося. Специалистам известно, что облик некрополя, в силу действия данного фактора, может сильно измениться даже за несколько месяцев — срок, на первый взгляд, незначительный.

4. Смена хронологических пластов. Невозможно ограничить смену надгробий с отправлением прежних на свалку. Но это ставит перед исследователями вопрос о фиксации, причём не выборочной и не единичной (любительской, когда к надгробию подходят не с позиций научного обобщения, а как к единичному забавному

«кунштюку», заслуживающему фотографирования). Бытие некрополя неизбежно предполагает смену хронологических пластов надгробий, процесс этот прекращается только на весьма старых некрополях, да и то не всегда. Но этот объективный процесс фундированный типичной семиодинамикой, законами смены и субституции знаков, не только не освобождает учёных от исследовательской ответственности, но и серьёзно усиливает её.

5. «Дикая», дилетантская деятельность, мотивированная не строгим научным интересом, а «романтическим» стремлением «щекотания нервов», в то время как научная некрополистика — работа серьёзная, физически очень затратная и, как настоящая научная деятельность, во многом рутинная, предполагающая специальные навыки. Нежелательна мотивировка интересами саморекламы, равно как и отсутствие серьёзной методологической базы (не говоря уже об элементарной технике некрополистического описания).

6. Безразличие и эгоизм, когда пространство некрополя оказывается культурно чуждым. Впрочем, здесь происходит неизбежный переход в сферу проблем этического порядка.

7. Несовпадение утилитарно-прагматической и научной направленности в человеческой деятельности. Чем активнее используется территория некрополя, тем объёмнее гибель артефактов.

8. Установка, хорошо выражаемая словами «Спящий в гробе мирно спи, / Жизнью пользуйся, живущий», поощряющая снисходительно-безразличное отношение к судьбе некрополей, которые становятся чем-то настолько малоценным, что их трансформация и исчезновение не рассматриваются как событие, заслуживающее внимания живых. Разумеется, это прямой путь к полной утрате исторической памяти; каковы же последствия этого, не стоит говорить специально, ввиду очевидности.

Утратили актуальность антирелигиозные установки, согласно которым именно старые некрополи несут след «религиозных суеверий» и являются их потенциальным «рассадником». Носители такой точки зрения несколько десятилетий назад препятствовали, например, захоронению духовенства на центральных кладбищах, а часто вообще на городских. Эта позиция является мировоззренчески парадигмально устаревшей, когда сам феномен воинствующего атеизма стал архаизмом (о чём прозорливо говорил ещё о. П. А. Флоренский). Только перечисление основных общих позиций научной ценности современной некрополистики, перекрывшей на несколько порядков уровень энтузиастов-подвижников прежних эпох, таких, как А. Т. Саладин⁶, уже позволяет судить о её результативности и применимости, вплоть до построения средствами современного анализа структурно-математических моделей функционирования некрополя в системе культуры. Но, если исчезнет материал исследования, все ожидания, связанные с этими исследованиями, придётся оставить. Всем известно, что культурные утраты делятся на восполнимые и невосполнимые.

До недавнего времени российские культурные традиции выгодно отличались от западных ещё и своеобразным отношением к некрополям. Практика аренды участка с необходимостью её продлевать (в противном случае ингумацию ликвидировали на юридически законных основаниях — эта опасность нависла сейчас над

могилами многих русских эмигрантов) была малознакомой. Странно, что сейчас ситуация меняется явно в худшую сторону. Некрополь становится ещё более беззащитным, чем был ранее.

¹ Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Ленингр. часть; отв. ред. А. С. Мильников. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.

² О его частотности в Новое Время говорил, например, Ф. Арьес, см.: *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992.

³ Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь: ГЕРС, 2010. С. 221–324.

⁴ Ср.: Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 156 и далее.

⁵ См.: Барт Р. Система моды. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.

⁶ Саладин А. Т. Очерки истории московских кладбищ. М.: Книжный сад, 1996.